

М. Ю. Тимофеев

Тимофеев Михаил Юрьевич (Иваново, Россия) — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета. Email: editor@journal-labirint.com

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ»: МОНУМЕНТ «РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!» В СОВРЕМЕННОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Статья посвящена исследованию использования образа скульптуры Е. Вучетича «Родина-мать зовёт!», установленной на Мамаевом кургане в Волгограде, в современных российских политиках памяти. Автор рассматривает способы включения образа в мемориальный дискурс, сопоставляет локальный и глобальный контексты, а также анализирует вызываемые обращением к этому символу «войны памяти» — борьбу за право использования и интерпретации его визуальных образов. Особое внимание уделено попыткам переосмысления образа и роли этой скульптуры в региональной идентичности. В результате проведенного анализа делается вывод, что практики политического использования образа этого памятника обусловлены незакрепленностью ее статуса в символическом политическом пространстве и определяются борьбой различных политических акторов, пытающихся использовать образ Родины-матери в своих целях.

Ключевые слова: символическая политика, политика памяти, монумент «Родина-мать зовёт!», «Родина-мать», монументальная пропаганда в СССР, постсоветская Россия

M. Yu. Timofeev

Mikhail Timofeev (Ivanovo, Russia) — Doctor of Philosophical Sciences, Professor at Ivanovo State University, Department of Philosophy. Email: editor@journal-labirint.com

THE “MEMORY WARS”: THE MONUMENT “THE MOTHERLAND CALLS!” IN THE MODERN POLITICS OF MEMORY

The piece studies the use of E. Vuchetich’s sculpture “The Motherland Calls!” on Mamayev Hill in Volgograd in the modern Russia’s politics of memory. The author considers the problems of including the image into the memorial discourse, compares local and global context and analyzes the “memory wars” caused by referring to this symbol — the struggle for the right to use and interpret its visual images. Special attention is given to the attempts to reconsider the image and the role of this sculpture in regional identity. Based on the analysis, the author concludes that the practices of political use of the monument are determined by its unformalized status in the symbolical political space, and are defined by the struggle between various political actors trying to capitalize on the image of the Motherland.

Keywords: symbolic politics, politics of memory, monument “The Motherland Calls!”, monumental propaganda in the USSR, post-Soviet Russia

Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим.

Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым.

Дж. Оруэлл. 1984.

1. Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ ‘Родины-матери’ в символической политике современной России».

Введение. Поля символических войн памяти

Формирование общенационального дискурса по отношению к истории и конструирование официального исторического нарратива — неотъемлемая часть политики современных национальных государств, в которую включено множество акторов. Для обозначения проблемного поля, связанного с исследованием роли прошлого в формировании современных политических смыслов, применяются такие понятия, как «историческая память», «историческая политика», «политика памяти», «политическое использование истории», «режим памяти», «культура памяти», «игры памяти» [11, с. 36]. Авторы в зависимости от контекста говорят так же о «политическом присвоении прошлого», «мемориальной политике», «политике истории» [27, с. 136]. Достаточно точные дефиниции для определения такого рода практик в настоящее время отсутствуют. В наиболее общем выражении трактовка формулируется следующим образом: «политика памяти находит свое воплощение в коммеморативных практиках, которые задают линию интерпретации совместного прошлого. К этим практикам можно отнести создание мест памяти, культурных городских ландшафтов, установку и снос памятников, организацию культурных мероприятий и фестивалей, новых музеев, создание школьных учебников и кинофильмов на историческую тематику и т.д. Все эти действия направлены на символическое переформливание реальности, закрепление в сознании граждан определенного образа прошлого и конструирование новых смыслов и значений, что, собственно, и представляет собой символическая политика» [5, с. 62].

Принимая во внимание не в полной мере удачное использование слова «память» [17], мы будем использовать понятие «политика памяти» как устоявшееся в литературе и наиболее широкое по объему. Если попытаться выделить наиболее удачные формулировки, то термин трактуется как регулирование коллективной памяти через общественные практики и нормы [См.: 13], либо производство социальных представлений о прошлом сообщества [См.: 3], тем самым указывая на взаимосвязь конструирования модели (или моделей) отношения к прошлому, ее (их) распространение и контроль за способами ее (их) трактовки.

Что-то с памятью моей стало,

Все, что было не со мной, помню.

Р. Рождественский. За того парня

Достаточно важным является вопрос единства/множественности предполагаемых моделей. В случае современной России можно говорить о долговременном поиске непротиворечивой модели отечественной истории XX века [См.: 13; 14]. И, как отмечает А. Миллер, в последние три года наметилась явная тенденция монополизации права на интерпретацию истории контролируемыми государством институтами. «Во-первых, — пишет он, — налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций» [См.: 15].

Степень успешности унификации политики памяти в национальном масштабе зависит от ряда факторов, к которым следует отнести уровень демократичности общества, степень политических свобод, международную ситуацию, степень мобилизации акторов, задействованных в ее осуществлении, условную готовность большей части общества принять единую точку зрения. Однако даже тоталитарные режимы не в состоянии в полной мере реализовать установку на монополизацию трактовки истории. Насаждение единого понимания истории встречает противодействие у ряда социальных акторов, профессионально задействованных в реализации политики памяти [См.: 13; 16].

Учитывая, что прошлое — это важный ресурс для легитимации власти и конкретных действий политиков, стремление к созданию непротиворечивой и устраивающей власть картины прошлого становится важной частью политики конструирования истории. Как отмечает Д. И. Гигаури, политики часто делают отсылки к событиям прошлого или, скорее, к мифам, созданным в пространстве памяти, чтобы оправдать свои решения и взгляды на различные вопросы и проблемы, имеющие отношение как к внутренней, так и к внешней политике. Политические акторы стремятся получить политическое преимущество,

определяя в качестве доминирующих конкретные групповые смыслы и понимание прошлого с целью легитимации своих действий в настоящем для того, чтобы извлечь выгоду в будущем [5, с. 59–60].

В настоящей статье будут рассмотрены способы использования образа скульптуры Е. В. Вучетича «Родина-мать зовёт!» в российских политиках памяти с начала 2000-х годов. Особое внимание будет уделено конфликтным ситуациям, инспирированным использованием этого символа в региональных и российских политиках памяти, а также выявлению причин того, что унифицированная трактовка данного образа требует постоянного властного контроля.

Предваряя обращение к указанной теме, необходимо выявить роль образа Родины-матери в политике памяти современной России. Для этого следует иметь в виду, что этот символ, будучи укорененным в исторической традиции, апеллирует к архетипическим ассоциациям с родной землей и т. п. [См.: 21; 22; 23], т. е. имеет достаточно универсальные коннотации для достаточно широкого использования. Что же касается визуализации данного символа, то в настоящее время преимущественно используются образы, созданные в советское время. Причем, что опять же необходимо иметь в виду, эти образы чаще всего связаны с коммеморативным дискурсом войны, что ограничивает их ресурс [См.: 30].

Именно то обстоятельство, что наиболее известными визуальными вариантами Родины-матери являются плакат И. Тоидзе «Родина-мать зовёт!» и одноименная скульптура Е. Вучетича на Мамаевом кургане в Волгограде, способствует их активному тиражированию, что повышает, с одной стороны, их узнаваемость, а с другой стороны, делает их общероссийскими иконическими символами Великой Отечественной войны, сакрализует их в этом качестве.

Размышления о том, что политика памяти последних лет не столько консолидирует общество, сколько разобщает [См., напр.: 6; 7], может быть отнесено и к разным периодам отечественной истории. Так, начиная с конца 1980-х годов в рамках официального государственного дискурса исторической политики шел поиск компромисса между дореволюционным и советским прошлым, сохраняющийся поныне. Отказ от декommунизации, сохранение в некоторой части советского пантеона героев, прежде всего связанных с Великой Отечественной войной, делает образы Родины-матери неприкосновенными, маркерами символических границ, где «всякое противопоставление объединяет, всякое объеди-

нение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» [20, с. 14].

Голландский философ Ф. Анкерсмит выделяет четыре важных для формирования нашей идентичности типа забвения. Во-первых, нами забывается нечто несущественное малозначимое, на что просто не обращается внимание. Во-вторых, мы можем не помнить нечто, оказавшееся важным для нас спустя некоторое время после этого события. Третий тип забвения (травматический) возникает в ситуации, когда у нас появляются порой навязанные извне причины забыть о тех или иных сторонах нашего прошлого. В четвертом случае утрата памяти является условием обретения новой идентичности. Это отказ от прежнего мира, с которым, мы готовы расстаться [См.: 1]. Новая российская идентичность формируется в условиях перманентных «войн памяти», и среди исторических событий, не подлежащих забвению, выделяется Великая Отечественная война. Признание важности для формирования общероссийской идентичности победы СССР в Великой Отечественной войне объединяет «Единую Россию» как партию власти с основными силами парламентской оппозиции в лице КПРФ и ЛДПР. Это не исключает частных конфликтов этих политических сил, но основное противодействие созданию новых мифов о войне оказывают либерально-демократические оппоненты власти, не имеющие представительства в органах власти.

Реабилитация советской символики, произошедшая во время первого президентского срока В. Путина, и прямо, и косвенно была связана с памятью о войне. В 2000 году федеральным конституционным законом «О государственном гимне Российской Федерации» в качестве мелодии гимна была утверждена музыка А. Александрова (бывший гимн СССР), а 7 марта 2001 года был принят текст С. Михалкова — переработанный вариант 1944 года. Была продолжена начатая в 1995 году политика по превращению Дня Победы в главный российский праздник. В 2010 году были установлены дни воинской славы России, среди которых значительную часть составили победы в ходе Великой Отечественной войны, а в 2006 году указом президента Российской Федерации было утверждено почетное звание Российской Федерации «Город воинской славы» — современный аналог советского звания «город-герой».

Наиболее распространенной сферой использования образа Родины-матери в современной России являются коммеморативные практики, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. В зависимости от локализации, это могут быть не только 9 мая и 22 июня, но и даты, свя-

занные с локальными событиями военной истории. Так, в Петербурге/Ленинграде это еще и память о начале блокады и о ее завершении — (8 сентября — День памяти жертв блокады и 27 января — День полного освобождения Ленинграда от блокады), когда проходят торжественные церемонии возложения венков к монументу Мать-Родина на Пискаревском кладбище². В Волгограде это 8 дней, среди которых 19 ноября — День начала разгрома фашистских войск под городом Сталинградом и 2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве в 1943 году. Основные торжественные мероприятия в этом городе проходят на Мамаевом кургане у подножия монумента Е. Вучетича.

Вставай, страна огромная! Активизация политики памяти

Задача формирования единства представлений о прошлом страны стало на повестку дня в России в 2009 году, когда президент Дмитрий Медведев издал указ о создании при Президенте Российской Федерации «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [См.: 16]. Таким образом, был дан сигнал, что определенная версия истории устраивает власть больше, чем все прочее. Имманентная конфликтогенность политики памяти, с одной стороны, и законодательная неурегулированность использования образа Родины-матери, с другой стороны, создают конфликтное поле. Поскольку нигде не прописаны допустимые и недопустимые способы использования этого образа, то в течение многих лет возникают судебные коллизии, связанные с нарушением тех или иных норм права, напрямую не связанных именно с этим символом. Специфический контекст можно обнаружить в двух случаях, которые будут рассмотрены особо. Во-первых, это обращение к этому образу и к конкретным его воплощениям зарубежных авторов, и, во-вторых, это использование и трактовки скульптуры Е. В. Вучетича «Родина-мать зовет!» жителями города Волгограда и Волгоградской области.

Достаточно резонансным стал скандал, спровоцированный публикацией 29 апреля 2015 года на сайте американского журнала «Бизнес инсайдер» подборки под названием «12 самых абсурдных сооружений советской эры, существующих до сих пор»³. На последнее место в

этом перечне автор, достаточно молодой журналист Майкл Берд, поместил скульптуру «Родина-мать зовет!» (Илл. 1). С 29 апреля до утра 9 мая на странице появилось 303 комментария, большая часть которых была обличительно и даже оскорбительной для американцев [См.: 24]. Один из комментаторов под ником Rean94 написал, что, добавив в этот рейтинг «Родину-Мать, вы плюнули в душу России. Есть вещи, которые нельзя трогать»⁴. 1 мая корреспондент газеты «Известия» подчеркнул: «Мы имеем дело с настоящей войной, только теперь информационной. Зачем прямо говорить о том, что русские плохие? Достаточно назвать их священный символ нелепым. Американцы таким образом выразили свое отношение к нашей стране, культуре и народу»⁵.

'The Motherland Calls', located in Volgograd to commemorate the Battle of Stalingrad, is 87 metres tall — nearly twice the size of the comparatively puny Statue of Liberty (46 metres).

Илл. 1.

В интервью, данном Первому каналу, директор музея-заповедника «Сталинградская битва» А. Васин заявил: «Они понимали, что они делают. Оскорбляли самое для нас сокровенное, нравственные ориентиры страны, ее совесть. Они взяли и просто туда плюнули. Вообще, за это по морде бьют, по-хорошему говоря»⁶. Не-

crazy-soviet-buildings-from-the-mid-20th-century

4. The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing. <http://www.businessinsider.com/crazy-soviet-buildings-from-the-mid-20th-century/#the-monument-to-the-revolution-built-in-croatia--then-yugoslavia--is-an-abstract-sculpture-dedicated-to-the-people-of-moslavina-during-world-war-ii-1>

5. Назвать «Родину-мать» нелепой — то же самое, что оскорбить икону. URL: <http://izvestia.ru/news/586099> (дата обращения: 15.08.2017).

6. Американский журнал включил монумент «Родина-мать» в список самых уродливых советских памятников. URL: https://www.1tv.ru/news/2015/04/30/24372-amerikanskiy_

2. Резанова Е. Пискаревское мемориальное кладбище. <http://petersburg4u.ru/piskarevskoe-kladbishe>

3. Bird M. The 12 most absurd Communist buildings that are still standing. <http://www.businessinsider.com/>

профессионализм и некомпетентность молодого журналиста стали поводом для небольшой информационной войны, продлившейся 11 дней, продолжавшейся даже после того, как скульптуру удалили из злополучного списка, заменив на гостиницу в Киеве [28]. На австралийской версии число памятников было сокращено до 8, среди которых нет Родины-матери⁷, а, например, на индийской версии сайта она присутствовала вплоть до августа 2017 года, что оставалось незамеченным для интернет-пользователей. Впрочем, среди трех имевшихся на индийском сайте комментариев от 2015 года была реплика, связанная с этой скульптурой. Нелокализованный пользователь RedRabbit написал, что скульптуры «Родина-мать зовет!» не должно быть в этом списке вообще. «Это была дань уважения жителям Сталинграда, которые пережили одну из худших осад современной истории. Было очень бездумно включать ее в слайд-шоу. Ужасный отель Ryugyong в Северной Корее — вот то, что должно быть в этом списке»⁸.

Отсутствие каких-либо объективных критериев оценки для установления степени эстетической значимости монументальных мемориальных объектов и их достаточно произвольное приравнивание к архитектурным сооружениям, с неизбежностью приводит к субъективизму, вкособитости и неизбежности конфликтов. Автор публикации вполне мог ненамеренно включить скульптуру в свой перечень, отдавая должное ее исполинскому размеру. Использование памятника на Мамаевом кургане в нейтральном контексте, как это произошло в комиксе американского художника Дж. Догерти, не вызывает неприятия у вполне патриотически ориентированных СМИ⁹.

В случае с публикацией на сайте «Бизнес инсайдер», информационная кампания была направлена против зарубежного издания и его публикации. Имеет место и борьба за монополию в использовании символа, защита памятника от разнообразных «внутренних врагов», когда символические жесты, совершенные оппозици-

онными политиками, однозначно трактуются как оскорбительные. Наиболее заметным событием такого рода стало обличение в ряде СМИ весной 2017 года акции сотрудника штаба Алексея Навального в Волгограде¹⁰. Возмущение вызвало выложенное в одной из социальных сетей изображение фотографии скульптуры «Родина-мать зовет!», с раскрашенными зеленым цветом лицом и рукой (Илл. 2), создававшее аллюзию на испачканного зеленкой Навального во время его пребывания в Барнауле накануне посещения Волгограда¹¹. В некоторых публикациях речь шла не о раскрашенной фотографии, а об обликом зеленкой монументе¹². В ряде изданий указали, что Навальный по приезду в город сразу поехал к монументу и разместил его фотографию в Твиттере с подписью «Всем привет из Волгограда. Первый раз здесь. Сразу поехал посмотреть на нее. Мощь. Великий памятник великим событиям»¹³.

Новости онлайн

Поисковики Волгограда пожаловались прокурору на обливших зеленкой Родину-мать

22 марта 2017

адрес: <http://www.volgograd.ru/news/raskrashennuy-zelenkoy-rodinu-mat-v-internet-vylo-852119/>

28 877 0 148

Илл. 2.

zhurnal_vklyuchil_monument_rodina_mat_v_spisok_samyh_urodlivyh_sovetskih_pamyatnikov/ (дата обращения: 15.08.2017).

7. The 8 most absurd Soviet-era buildings that are still standing. <https://www.businessinsider.com.au/soviet-buildings-from-the-mid-20th-century-2015-4>

8. The 12 most absurd Soviet-era buildings that are still standing. <http://www.businessinsider.in/The-12-most-absurd-Soviet-era-buildings-that-are-still-standing/articleshow/52363858.cms>

9. Скульптура Родина-мать стала героиней комикса американского художника. <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26644/3663927/>

10. См. об этом также статьи О. Рябова, Т. Рябовой, У. Мутаева, Д. Смирнова из данного выпуска.

11. Раскрашенную зеленкой «Родину-мать» в Интернет выложил глава волгоградского штаба Навального. <http://bloknot-volgograd.ru/news/raskrashennuy-zelenkoy-rodinu-mat-v-internet-vylo-852119/>; Странники Навального поглотились над памятником «Родина-мать зовет!». <https://www.pravda.ru/news/accidents/22-03-2017/1328279-pamyatnik-0/>

12. Иванова Е. Поисковики Волгограда пожаловались прокурору на обливших зеленкой Родину-мать. <http://v1.ru/text/newsline/279475724267520.html>

13. Грекова О. Навального избили в Волгограде за «глумление» над монументом «Родина-мать». <http://www.mk.ru/social/2017/03/24/navalnogo-izbili-v-volgograde-za-glumlenie->

Однако это обстоятельство не повлияло на обличительный характер публикаций в местных и федеральных СМИ. В них речь шла об «изувечивании» монумента, «глумлении» над скульптурой, «осквернении Родины-матери»¹⁴. «Молодые моральные уроды, входящие в команду Навального в Волгограде (думаю, что и не только там), посягнули на самое святое, что есть у страны и у всех народов, ее населяющих — на память о подвигах отцов и дедов, на память о них самих, отдавших жизнь за то, чтобы “креативное” жлобье измывалось над этой памятью, так же, как фашисты во время войны измывались над гражданами СССР»¹⁵. Председатель регионального отделения «Поискового движения России» Андрей Орешкин направил в прокуратуру обращение, в котором, в частности, говорилось: «Мы, ветераны и жители города Волгограда и Волгоградской области, считаем мерзкий поступок команды Навального насмехательством над символом Победы и плевок в каждого ветерана и солдата, погибшего во имя освобождения от фашизма»¹⁶.

Анализ публикаций позволяет сделать вывод о том, что авторы в ряде случаев, либо специально, либо ненамеренно, совершают подмену, когда ведут речь об объекте, давшем повод для изобличения нанесения морального ущерба. Вместо картинки в интернете указывается собственноручно монумент на Мамаевом кургане. Этот семиотический сдвиг позволяет говорить либо о мифологичности сознания авторов и их аудитории, либо о подмене понятий, поскольку действующее законодательство разделяет ущерб, нанесенный памятнику, и эксперименты с изображением в интернете. Второй аспект кампании против волгоградского штаба А. Навального, на который можно обратить внимание, заключается в том, что политические акторы и представители СМИ обращаются не от собственного имени, а от имени всех жителей города и области.

Образ скульптуры «Родина-мать зовет!» как символ героического прошлого явно способен выполнять для части граждан России мобилизующую функцию, причем нередко это происхо-

дит не только в контексте роста антиамериканизма [См.: 24], но и в рамках внутривластной борьбы. СМИ, активно реагирующие на попытки нанесения репутационного ущерба объектам, выполняющим символическую функцию в рамках военно-мемориального дискурса, занимают охранительную и оборонительную позицию, поскольку скульптура на Мамаевом кургане не является официальным всероссийским символом победы, а является одним из многих, пусть и самым масштабным, из имеющихся в стране мемориалов.

Под мечом Матери-Родины. Память как индикатор локального патриотизма

«Памятники, мемориалы и места скорби, — отмечает М. Немцев, — это то, без чего невозможно символическая среда обитания человека. Человек живет в окружении памятников и посещает места памяти» [18, с. 8–9]. Эти объекты — часть символического пространства, которая призвана быть «повседневным напоминанием о Родине» [3, с. 9]. Однако следует иметь в виду, что степень включенности памятников в политики памяти зависит от ряда факторов, среди которых художественные достоинства играют не главную роль, уступая значимости повода мемориализации и монументальности объекта. Важная роль визуальной репрезентации при трансляции этих образов выдвигает в первый ряд наиболее грандиозные изваяния.

Немаловажным фактором, определяющим место и роль памятников в мемориальной политике, является их локализация. В этом отношении интересно сравнить Волгоград и Москву, что частично уже было сделано Е. Полухиной и А. Ваньке [19]. Сооружение памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» началось в мае 1959 года. В 1965 году День Победы обретает особый статус в советской мемориальной политике — 9 мая становится вновь выходным днем, на Красной площади в Москве проходит первый после 1945 года парад победы, а весной 1967 года открывается главное место памяти — Могила Неизвестного солдата с Вечным огнем у кремлевской стены [33]. 15 октября того же года в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, министра обороны СССР А. А. Гречко, Маршалов Советского Союза А. И. Еременко и В. И. Чуйкова состоялось торжественное открытие мемориала в Волгограде. Новая величественная скульптура Е. Вучетича была в 1975 году помещена на медаль в честь 30-летия Победы.

Нахождение Могилы Неизвестного солдата в столице страны рядом с Кремлем, безусловно, делает ее главным местом памяти [См.: 4]. Конкуренция мемориальных мест в какой-то степени

nad-monumentom-rodinamat.html

14. Жители Волгограда требуют наказать «команду Навального» за осквернение Родины-матери. <https://jpgazeta.ru/zhiteli-volgograda-trebuyut-nakazat-komandu-navalnogo-za-oskvernenie-rodinyi-materi/>

15. Гришин А. «Родину-мать» — за что? <https://www.kp.ru/daily/26656/3677709/>

16. Волгоград встал на дыбы: Команда Навального «изувечила» Родину-мать. <http://www.politonline.ru/interpretation/22889680.html>;

усилилась после открытия в 1995 году мемориала в московском Парке Победы. Количество памятников на его территории за 22 года увеличилось. У стелы за установленным в 2010 году памятником «В борьбе против фашизма мы были вместе!» на гранитных кубах изображены 15 памятников, воздвигнутых в память о войне в советских республиках. Россия в этом ряду представлена изображением скульптуры «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане. Армения, Беларусь, Грузия и Украина представлены так же материнскими образами (Илл. 3). Е. Полухина и А. Ваньке пришли к выводу, что Поклонная гора — универсальный мемориал, транслирующий монологический героический дискурс, в то время как Мамаев курган воспроизводит такой же триумфальный дискурс, преломленный через локальный контекст интеракций между местными властями и городскими сообществами [19].

То обстоятельство, что известность мемо-

Илл. 3.

риала в Волгограде выходит далеко за рамки региона, а сам образ Родины-матери претендует на значимость в национальном масштабе требует рассмотрения локального и общероссийского контекста включения этой скульптуры в современные мемориальные практики. В советское время способы его символической репрезентации были достаточно многочисленными и разнообразными: это и уже названное использование на медали в честь 30-летия Победы, изображение на монете 1 рубль в 1975 году, многочисленные изображения на почтовых марках и т. п.

Фигура Родины-матери является для волгоградцев перенагруженной смыслами. Этот образ выполняет несколько порой не связанных друг с другом функций. Во-первых, это символ победы в Сталинградской битве и в Великой Отечественной войне. Во-вторых, с 2000 года это официаль-

ный символ региона, закрепленный в геральдике. В-третьих, это репрезентант региона, который используется в самых разных повседневных практиках как маркер волгоградскости. К этому нужно добавить, что включенность этого символа в коммеморативные практики особенно велика именно для жителей региона, что создает специфичность отношения к образу, доминирующему в визуальной политике памяти.

Дискуссии, связанные с ребрендингом Волгоградской области, уже были предметом анализа [См.: 29, с. 55–58]. В местной прессе с 2008 года муссируется идея о том, что за десятилетия накопилась усталость от слишком масштабного монументального искусства и увлечения властей военной тематикой. Время от времени вбрасывается идея о том, что нужно создать новый образ Волгограда, не связанный с идеологией и трагической военной историей [10, с. 27].

Противоположный вектор изменения роли и места города в актуальной политике связан с гиперболизацией его мемориального значения. В 2011 году сталинградский нарратив присутствовал в риторике Владимира Путина (в то время премьер-министра правительства России) во время его визита в Волгоград, когда, отвечая на вопрос о чемпионате мира по футболу и Волгограде, он прямо дал понять, что город-герой обязательно должен быть в списке городов – участников чемпионата: «Где выигрывать, как ни на сталинградской земле?! Как же нам побеждать без Сталинграда?!»¹⁷. В этой связи весьма показательным выглядит принятое 30 января 2013 году решение городской Думы Волгограда, в соответствии с которым шесть раз в году — в дни воинской славы и памятные даты России, а также памятные даты Волгоградской области город Волгоград должен дополнительно называться «городом-героем Сталинградом» [8]. «23 декабря 2013 года в это решение было внесено дополнение, и теперь город получает второе имя восемь дней в году. В результате этого решения буквальным образом сквозь современный хронотоп “проевечивает” предыдущий: по праздникам город по решению депутатов должен символически “проваливаться” в прошлое» [8]. Так, в заявлении Всемирного русского собора, опубликованном 5 февраля 2013 года, говорится: «Независимо от оценки личности Сталина, Сталинград стал сим-

17. Владимир Путин: «Как побеждать без Сталинграда?». <http://volgoduma.ru/informacziya-press-sluzhby/news/4429-vladimir-putin-lkak-pobezhdad-bez-stalingradar.html>; Аleshin М. Как нам побеждать без стадиона? <http://vpravda.ru/obshchestvo/kak-nam-pobezhdad-bez-stadiona-905>

волом нашего военного искусства и символом высочайшего мужества, одновременно с Фермопилами и Саламином. Именно Сталинград, а не Волгоград, известен народам планеты как поворотный пункт в борьбе с фашизмом»¹⁸.

Как отмечает А. С. Цыганков, «анализируя результаты коммеморации, складывается впечатление, что Волгоград существовал только 200 дней и ночей Сталинградской битвы и обладал в то время, соответственно, другим именем. После этого он попадает к некое „квазивремя” и „квазипространство”, в которых реализуются коммеморативные практики, направленные на материальную фиксацию памяти о битве. Господствует монодискурс об историческом прошлом, делающий как бы несуществующим послевоенный Волгоград, превращая его в Сталинград» [32].

Насколько неизбежной является ассоциативная связь волгоградского локуса с памятью о войне, символически выраженной в мемориале на Мамаевом кургане? По мнению А. Ассман, «противоположностью абстрактного пространства как сферы человеческого планирования, созидания и покорения служит конкретное место, где уже действовал человек. Такое место индивидуализировано своим именем (топонимом) и историей. Место в отличие от пространства связано с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями, которые отчасти проецируются на него посредством памятников» [2, с. 48]. В этой связи встраивание города и монументальной скульптуры Е. Вучетича в дискурс памяти о Великой Отечественной войне имеет два измерения: 1) память о Сталинградской битве предполагает мемориализацию города как такового и актуализирует проблему топонима (можно сопоставить с Санкт-Петербургом и блокадой Ленинграда); 2) доминирование скульптуры «Родина-мать зовет!» над частью города, протянувшегося вдоль Волги на несколько десятков километров, делает проблематичным поиск альтернативного визуального образа в качестве его символа, что не отменяет попытки найти его.

В целом случай Волгограда как места памяти имеет не так много аналогов в России и мире. Как отметил И. Курилла, «если у Пьера Нора „места памяти” означают, скорее, бесспорные референтные точки, задающие историческую картину мира, то в России практически вся память оспаривается. Представляется важным понять, что споры становятся такими жесткими еще и потому, что в „бытовом” употреблении смешиваются

две функции (и два типа) памятников. Первая из них — сохранение памяти о событии или (чаще) человеке. Наиболее понятный пример — кладбищенские памятники-надгробия. Вторая — увековечивание памяти, то есть прославление события или человека, внесение его в круг „актуальной” памяти с воспитательными целями. Очевидно, например, что протесты ветеранов в Волгограде в начале 1990-х годов против создания в городе мемориала погибшим немецким солдатам Второй мировой были результатом такого смешения: родственники солдат хотели сохранения памяти, а протестующая часть советских ветеранов видела в этом попытку прославления оккупантов. Созданное в результате мемориальное кладбище в пригороде Волгограда — Россошках стало уместным компромиссом: мемориал не формирует среду обитания сегодняшних волгоградцев, то есть не служит способом прославления агрессора, но остается местом, посещаемым родственниками солдат Германии и ее союзников, выполняет функцию сохранения памяти о погибших» [9, с. 7].

Ставший популярным в последние годы подход к исследованию коллективной памяти, разработанный М. Хальбваксом, предполагает, что индивидуальные рамки памяти задаются с помощью приспособления к приемам мышления и репрезентаций, свойственным современным людям [31, с. 209]. Исходя из этого тезиса, следует признать, что целый ряд факторов, включающий особенности современной российской образовательной политики, а также изменение социально-политической системы, способствовали тому, что символы советского прошлого, включая и военные монументы, по-иному воспринимаются поколениями, сформировавшимися в последнюю четверть века. Одним из результатов этого является то, что отношение к скульптурному образу представителей разных социальных групп в Волгограде весьма амбивалентно.

Когда в 2016 году Центральный банк России проводил кампанию по отбору визуальных образов городов для новых купюр достоинством в 200 и 2000 рублей, Волгоград первым набрал необходимое для участия в конкурсе число голосов. В случае выбора этого города на банковском билете была бы представлена репрезентация главной городской скульптуры (Илл. 4). В течение процедуры отбора СМИ сообщали о лидирующей позиции символа города¹⁹. Первое и второе

19. «Родина-мать» возглавила голосование о символах новых купюр. URL: <https://rg.ru/2016/06/28/reg-ufo/rodina-mat-vozglavila-golosovanie-o-simvole-novoj-kupiury.html>; «Родина-мать» лидирует в конкурсе на символ для новых

18. Всемирный русский собор сравнил Сталинград с Фермопилами. <https://lenta.ru/news/2013/02/05/sobor/>

места попеременно занимали символы Волгограда и Иркутска. «Разрыв между этими городами минимальный — они набрали более 72 тысяч и 71 тысячи голосов соответственно. На третьем месте следует Севастополь, затем символы Дальнего Востока»²⁰. Однако победителями стали символы крымского города и Владивостока. Можно предположить, что геополитические маркеры пространства современной России оказались более успешными в этом соревновании.

Илл. 4.

Что не так с Родиной-матерью? Можно ли предположить, что результат конкурса свидетельствует о том, что она не смогла стать общенациональным символом. Вероятно, размещение на банкнотах Госбанка не является актом придания какому-либо объекту исключительного значения, о чем, собственно, свидетельствуют памятники в избранных ранее городах. Памятники Петру Первому в Архангельске, Ярославу Мудрому в Ярославле, Муравьеву-Амурскому в Хабаровске являются не более чем локальными маркерами. «Родина-мать зовет!», выполняя на региональном уровне ту же функцию, заведомо предполагает коннотации, выходящие за эти рамки.

В ряде случаев возникает вопрос, почему именно волгоградцы выступают иногда для федеральных СМИ в качестве «хранителей» памятника и экспертов по его использованию? Почему принято считать, что по праву места жительства рядом с мемориалом, можно выносить суждения, имеющие особую значимость для всей страны?

В случае с размещением изображения монументальной скульптуры на бумажных банкнотах имеет место казус полной ресемантизации: объект обретает новую форму бытования, т. е. у него изменяется синтаксис, и он наделяет-

ся новыми смыслами [См.: 26], наконец, купюра с изображением Родины-Матери включается в новые отношения с субъектами товарно-денежных отношений. СМИ сообщали об особой позиции некоторых волгоградцев; их рассуждения, которыми я располагаю, сводились к профанации священного символа. Так, кандидат в депутаты Государственной думы от КПРФ С. Уралов осудил идею поместить на новые банкноты монумент «Родины-матери». Комментируя свое мнение, он отметил: «Подвиг нельзя монетизировать — не надо в такую спекулятивную и непредсказуемую сферу, как российские финансы, пришеивать то небольшое святое, что у нас осталось»²¹. Следует ли из данного высказывания, что размещенные в настоящее время на российских банкнотах символы «святостью» не обладают? Суть мифогенного понимания символа и предположения о его неизбежной десакрализации при помещении в определенный контекст

заслуживает отдельного рассмотрения. В последние годы арбитрами в решении вопроса об уместности, либо неуместности использования этого символа выступают представители разного рода СМИ, а также руководство музея-заповедника, которому принадлежат права на использование образа скульптуры «Родина-мать зовет!».

О всеобщности признания за скульптурой «Родина-мать зовет!» роли всероссийского символа речь все же не идет. Хотя высказывание о том, что воинственная женщина с мечом диссонирует с образом матери, является скорее исключением²², а открытый в 2015 году в якутском поселке Усть-Нера монумент Родины-матери с мечом в одной руке и прижатым к груди ребенком в другой, является достаточно оригинальным симбиозом скульптур Е. В. Вучетича на мемориалах в Берлине и Волгограде, примиряющем воинственность и материнство (Илл. 5). Некоторые деятели Русской православной церкви не склонны рассматривать этот символ как более значимый, чем символы православия. Так, в обращении Главы Донской митрополии к жителям Дона, по поводу интернет-голосования в проекте-конкурсе «Россия 10», в частности, говорится:

21. Нельзя «Родиной-матерью» расплачиваться в магазинах. URL: <http://23rus.org/index.php?UID=19720> (дата обращения: 15.08.2017).

22. Ольга Мазанова: «Воинственная женщина с мечом диссонирует с образом матери». http://yarnovosti.com/rus/news/yaroslavl/society/pamiatnik_mazanova

банкнот. <http://izvestia.ru/news/619888> (дата обращения: 15.08.2017).

20. Березина Е. Родина-мать вышла в финал. URL: <https://rg.ru/2016/09/11/opredelilas-piaterka-liderov-v-konkurse-na-simvol-y-novyh-banknot.html> (дата обращения: 15.08.2017).

«За признание Мечети имени Ахмата Кадырова «Сердце Чечни» самым интересным архитектурным сооружением России, всего лишь за три дня (с 12 августа) проголосовало более 1 000 000 человек! За этот же период, за символ Победы нашего народа в Великой отечественной войне, одну из самых знаменитых скульптур в мире — Родину-Мать в г. Волгограде проголосовало всего лишь 60 000 человек, за Новочеркасский собор — около 15 000 человек. 15 августа, по благословению Главы Донской митрополии, митрополита Ростовского и Новочеркасского вышло обращение к жителям Дона, с призывом принять участие в интернет-голосовании мультимедийного проекта-конкурса «Россия 10» за «второе Солнце Дона» — Новочеркасский Войсковой Вознесенский кафедральный собор»²³.

Известность волгоградского символа, возможно, выросла в последние полтора десятилетия, но в начале 2000-х даже в рамках исследовательского дискурса можно было обнаружить несуразности, как в вышедшей в Вене «Книге о Родине» И. Сандомирской, где говорится о «монументальной скульптуре Славы на Малаховом кургане в Волгограде» [25, с. 180].

Как можно судить по информации в СМИ, в Волгограде перманентно идут процессы, связанные с ресемантизацией скульптуры «Родина-мать зовет!» и ее визуальных репрезентаций. С одной стороны, часть жителей Волгограда активно стремится продвинуть этот символ во всероссийском масштабе, с другой стороны, он наделяется сакральным содержанием, исключая его профанное использование, а с третьей, доминирование этого символа в политике памяти заставляет искать ему альтернативу вне военизированного мемориального контекста. Эти позиции создают достаточно напряженную ситуацию в сфере символической политики. Я уже обращался к ситуации, сложившейся после объявления в 2012 году о ребрендинге города, когда инициаторов поиска более современного символа обвиняли едва ли не в святотатстве [См.: 29]. Весной 2013 года публичную попытку посягнуть на сакральность пространства Мамаева кургана предприняла группа многодетных матерей, объявившая

Илл. 5.

о намерении начать голодовку протеста против тогдашнего губернатора Сергея Боженова непосредственно у могилы маршала Василия Чуйкова, у подножия Родины-матери. Поднявшаяся волна возмущения ветеранов заставила многодетных матерей отказаться от провокационной затеи. Впрочем, прецедент и спровоцированный им резонанс не забыт, и, как отмечает политический эксперт Евгений Калинин, «теперь всякий, кто захочет спровоцировать мощный политический скандал в регионе, знает, где его следует начинать — на Мамаевом кургане»²⁴.

Весной 2017 года на форуме «Имидж Волгограда», для которого в качестве логотипа выбрали изображение скульптуры Веры Мухиной «Мир», венчающей купол волгоградского планетария (Илл. 6), было высказано мнение о желательности устранения монополии Родины-матери при использовании в качестве символа города²⁵.

24. Серенко А. Без Сталинграда победить не получится. http://www.ng.ru/ng_politics/2015-04-07/13_stalingrad.html

25. Организатор «Бессмертного полка»: Родина-мать — символ прошлого, и его пора сменить http://riac34.ru/news/80821/?PAGEN_3=2; «Родину-Мать» хотят ли-

23. Обращение Главы Донской митрополии к жителям Дона, касательно интернет-голосования в проекте-конкурсе «Россия 10» <http://www.hram-bataysk.ru/%d0%be%d0%b1%d1%80%d0%b0%d1%89%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5-%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d0%b2%d1%8b-%d0%b4%d0%be%d0%bd%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b9-%d0%bc%d0%b8%d1%82%d1%80%d0%be%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d0%b8-%d0%ba/>

Риторика члена общественного совета форума и одного из организаторов акции «Бессмертный полк» Вячеслава Черепяхина сводилась к следующему положению: «Родина-мать» как символ Победы — символ прошлого, а городу нужен символ будущего. А Родина-мать будет жить, как символ героического прошлого города, как символ Победы²⁶.

Илл. 6.

Авторы идеи получили шквал критики. Как написала корреспондент одного из местных СМИ, «даже, если оставить за скобками, заказной посыл всех нападок — есть и такое, практически любое упоминание скульптуры «Родина-мать» становится в последнее время объектом постоянных придирок и спекуляций. И тут же собирает немалую группу сторонников, скандирующих: «Руки прочь от святого!»²⁷. Поводы для обвинений в некорректном, оскорбительном использовании самого известного образа появляются достаточно часто. Это и выпуск конфет «Наша хуторянка», и помещение изображения скульптуры на баннер, рекламирующий алкогольную продукцию. Иногда авторы текстов и заголовков искажают ситу-

шить звания символа. Волгограда https://vk.com/away.php?to=http%3A%2F%2Fwww.ng.ru%2Fregions%2F2017-04-20%2F100_volgograd2004.html

26. Спекторова Н. Ищите женщину. В Волгограде ищут смысл дальнейшей жизни города и пути его развития. <http://argumenti.ru/society/n587/532238>

27. Статуя Веры Мухиной с купола планетария станет новым символом мирного Волгограда. <http://v1.ru/text/newsline/289504766537728.html>

ацию, нарочито сгущают краски при описании, как это случилось при обвинении производителей алкогольной продукции в неуважительном отношении к изображению скульптуры²⁸.

В музее-заповеднике «Сталинградская битва», которому принадлежат права на использование изображения скульптуры «Родина-мать зовет», корреспонденту интернет-ресурса V1.ru заявили, что «знают о появлении конфет “Наша хуторянка” и были шокированы, когда увидели этикетки. <...> Одно дело, когда изображение скульптуры появляется как бренд на коробках и с соответствующей текстовкой. Но когда увидели, что Родину-мать назвали хуторянкой, положительных эмоций, признаюсь, не испытали. Были в недоумении. Это что за чудеса маркетинга?! Это крайне низкий профессионализм тех, кто допустил появление монумента на конфетах под названием “Наша хуторянка”. Надо понимать, что такое Родина-мать. Ведь это, можно сказать, икона»²⁹. Таким образом, вновь дает знать непроработанность семиотической связи означаемого и означающего [См.: 26], позволяющая обнаруживать негативную семантику в репрезентационных памятниках.

Волгоградские кейсы дают понять, что практики политического использования образа этого памятника обусловлены незакрепленностью ее статуса в символическом политическом пространстве России и определяются борьбой различных политических акторов, пытающихся использовать образ Родины-матери в своих целях.

Заключение

В настоящее время образ скульптуры «Родина-мать зовет!» выполняет как консолидирующую, так и дезинтегрирующую функции. Это обнаруживается на уровне города, региона и страны в целом. Актуализированные в государственной политике памяти смысловые нагрузки позволяют эффективно использовать этот образ только в достаточно узком диапазоне, а именно, как символ памяти о войне. В то же время этот образ, являясь частью официальной и неофициальной региональной символики, с одной стороны используется как вполне нейтральный маркер региональной идентичности, а с другой провоцирует попытки избавления от его стигматизирующей город функции как репре-

28. В Волгограде лицом рекламы пива, водки и вина стала «Родина-Мать зовет». <http://yug.svpressa.ru/accidents/news/147810/>

29. Черепанова Т. Новогодние подарки с «сюрпризом»: волгоградские кондитеры назвали хуторянкой Родину-мать. <http://v1.ru/text/newsline/248591189000192.html?frompanel=1>

зентанта места, ориентированного в символическом пространстве страны исключительно на память о Сталинградской битве и победы в войне, к которому сводится политический заказ по использованию образа скульптуры на федеральном уровне.

Советская модель сакрального отношения к этому символу по-прежнему актуальна для мно-

гих российских граждан. Как можно судить по приведенным примерам из практик «войн памяти», «Родина-мать зовет» успешно используется как региональными, так и федеральными акторами и СМИ для коллективной мобилизации в рамках патриотического дискурса.

Библиография

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. — М.: Издательство «Европа», 2007. — 612 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
3. Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. 2007. № 1. — С. 34–71.
4. Ваньке А., Полухина Е. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // Inter. 2014. № 8. — С. 36–51.
5. Гигаури Д. И. Политика памяти в практике социального конструирования политической идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2015. № 10. Ч. 1.
6. Колесников А. Историческая политика в России: почему она разобщает, а не объединяет. <http://carnegie.ru/2017/08/09/ru-pub-72746>
7. Кочнева Е. Д. Политика памяти в России как систематическая работа с прошлым // Дискурс-Пи. 2015. № 3–4. — С. 50–56.
8. Курилла И. Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества. <http://gefter.ru/archive/13457>
9. Курилла И. И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011г. / Волгогр. гос. ун-т, Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона; под ред. д-ра ист. наук И. И. Куриллы; предисл. И. И. Куриллы. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.
10. Макаров А. И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апр. 2011г. / Волгогр. гос. ун-т, Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона; под ред. д-ра ист. наук И. И. Куриллы; предисл. И. И. Куриллы. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.
11. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: РОССПЭН, 2015. — 207 с.
12. Малинова О. Ю. Политика памяти в России. <https://volistob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii> (дата обращения: 15.08.2017)
13. Миллер А. И. Политика памяти в России: год разрушенных надежд // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. № 4. — С. 49–57.
14. Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2013. № 4. — С. 114–126.
15. Миллер А. Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов // ІСТОРІЯ, ПАМ'ЯТЬ, ПОЛІТИКА. Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. — К.: Інститут історії України НАН, 2016. — С. 218–243.
16. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4.
17. «Мы находимся в состоянии войн памяти». <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/> (дата обращения: 15.08.2017)
18. Немцев М. О будущем, или Зачем нам памятники // 60 параллель. 2010. №1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_paralel/36/09.pdf (дата обращения: 15.08.2017)
19. Полухина Е., Ваньке А. Социальные практики использования мемориалов в России: сравнивая Мамаев Курган в Волгограде и Поклонную гору в Москве // Социологическое обозрение. 2015, № 4. — С. 115–128.
20. Поршнева Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. — М.: Наука, 1973. — 257 с.
21. Рябов О. В. «Родина-Мать»: история образа. // Женщина в российском обществе. 2006. № 3. — С. 33–46.
22. Рябов О. В. «Родина-мать» в истории визуальной культуры России // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия: История. 2014. № 1.
23. Рябов О. В. «Россия-Матушка». История визуализации // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. — Иваново,

2008. Вып. 2: Визуализация нации. — С. 7–36.

24. Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-символический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 168–183.

25. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. — Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. — 286 с.

26. Смирнов Д. Г. К вопросу о ресемiotизации как форме символической политики («Родина-мать» в политических практиках современной России) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. — С. 96–112.

27. Сыров В. Н., Головашина О. В., Линченко А. А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестн. Томского гос. ун-та. 2016.

28. Тимофеев М. Ю. Монументальный образ Родины-матери в политиках памяти современной России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 4 (35). — С. 86–94.

29. Тимофеев М. Ю. Помни о матери-Родине! Конкурирующие места памяти // Лабиринт. Журнал

социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 43–63.

30. Титков А. С., Архипова А. С., Доронин Д. Ю., Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Соколова А. Д., Югай Е. Ф. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33. — С. 84–122.

31. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.

32. Цыганков А. С. В поисках исторической идентичности: Царицын — Сталинград — Волгоград // Человек в мире культуры: культурное описание территории: Материалы X Международного философско-культурологического симпозиума, 16–17 апреля 2015 г. / отв. ред. А. В. Соловьев; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. — Рязань: Издательство «Концепция», 2015. — С. 253–256.

33. Юдкина А. Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост.: Соколова А. Д., Юдкина А. Б.; отв. ред. Громов Д. В. — М.: ИЭА РАН, 2015. — С. 256–279.

References

1. Ankersmit F. R. Vozvyshennyi istoricheskii opyt. — М.: Izdatel'stvo «Evropa», 2007. — 612 s.

2. Assman A. Dlinnaia ten' proshlogo. Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaia politika. — М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. — 328 s.

3. Billig M. Povsednevnoe napominanie o Rodine // Logos. 2007. № 1. — С. 34–71.

4. Van'ke A., Polukhina E. Vechnyi ogon' v Aleksandrovskom sadu kak publichnoe mesto pamiati // Inter. 2014. № 8. — С. 36–51.

5. Gigauri D. I. Politika pamiati v praktike sotsial'nogo konstruirovaniia politicheskoi identichnosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov, 2015. № 10. Ch. 1.

6. Kolesnikov A. Istoricheskaia politika v Rossii: pochemu ona razobshchaet, a ne ob"ediniaet. <http://carnegie.ru/2017/08/09/ru-pub-72746>

7. Kochneva E. D. Politika pamiati v Rossii kak sistemicheskaiia rabota s proshlym // Diskurs-Pi. 2015. № 3–4. — С. 50–56.

8. Kurilla I. Stalingrad po prazdnikam: neustoichivyi khronotop postsovetskogo obshchestva. <http://gefter.ru/archive/13457>

9. Kurilla I. I. Istoricheskaia pamiat' i publichnaia kommemoratsiia // Pamiat' i pamiatniki: materialy seminar, provedennogo Volgogr. gos. un-tom i In-tom Kennana Mezhdunar. nauch. tsentraim. Vudro Vil'sona 21 apr.

2011g. / Volgogr. gos. un-t, In-t Kennana Mezhdunar. nauch. tsentra im. Vudro Vil'sona; pod red. d-ra ist. nauk I. I. Kurilly; predisl. I. I. Kurilly. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2012.

10. Makarov A. I. Fenomen pamiatnika v sovremennoi kul'turnoi situatsii: disfunktsiia kommemoratsii // Pamiat' i pamiatniki: materialy seminar, provedennogo Volgogr. gos. un-tom i In-tom Kennana Mezhdunar. nauch. tsentraim. Vudro Vil'sona 21 apr. 2011g. / Volgogr. gos. un-t, In-t Kennana Mezhdunar. nauch. tsentra im. Vudro Vil'sona; pod red. d-ra ist. nauk I. I. Kurilly; predisl. I. I. Kurilly. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2012.

11. Malinova O. Iu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaiia politika vlastvuiushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti. — М.: ROSSPEN, 2015. — 207 s.

12. Malinova O. Iu. Politika pamiati v Rossii. <https://vo-listob.ru/news/olga-malinova-politika-pamyati-v-rossii> (data obrashcheniia: 15.08.2017)

13. Miller A. I. Politika pamiati v Rossii: god razrushennykh nadezhd // Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz». 2014. № 4. — С. 49–57.

14. Miller A. I. Rol' ekspertnykh soobshchestv v politike pamiati v Rossii // Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz». 2013. № 4. — С. 114–126.

15. Miller A. Politika pamiati v Rossii. Rol' negosudarstvennykh agentov // ISTORIa, PAM'iaT", POLITIKA.

- Zbirnikstatei / Uporiad. G. Kas'ianov, O. Gaidai. — K.: Institut istorii Ukraïni NAN, 2016. — S. 218–243.
16. Miller A. Rossiia: vlast' i istoriia // Rro et Contra. 2009. № 3–4.
17. «My nakhodimsia v sostoianii vojn pamiaty». <http://www.vsp.ru/2017/09/19/my-nahodimsya-v-sostoyanii-vojn-pamyati/> (data obrashcheniia: 15.08.2017)
18. Nemtsev M. O budushchem, ili Zachem nam pamiatniki // 60 parallel'. 2010. №1. URL: http://www.intelros.ru/pdf/60_parallel/36/09.pdf (data obrashcheniia: 15.08.2017)
19. Polukhina E., Van'ke A. Sotsial'nye praktiki ispol'zovaniia memorialov v Rossii: sravnivaia Mamaev Kurgan v Volgograde i Poklonnuiu goru v Moskve // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2015, № 4. — S. 115–128.
20. Porshnev B. F. Protivopostavlenie kak komponent etnicheskogo samosoznaniia. — M.: Nauka, 1973. — 257 s.
21. Riabov O. V. «Rodina-Mat'»: istoriia obraza. // Zhen-shchina v rossiiskom obshchestve. 2006. № 3. — S. 33–46.
22. Riabov O. V. «Rodina-mat'» v istorii vizual'noi kul'tury Rossii // Vestn. Tver. gos. un-ta. Serii: Istoriia. 2014. № 1.
23. Riabov O. V. «Rossiia-Matushka». Istoriia vizualizatsii // Granitsy: Al'manakh Tsentra etnicheskikh i natsional'nykh issledovaniï IvGU. — Ivanovo, 2008. Vyp. 2: Vizualizatsiia natsii. — S. 7–36.
24. Riabova T. B., Romanova A. A. «Rodina-mat'» kak kul'turno-simvolicheskii resurs sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma // Labyrinth: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï. 2015. № 4. — S. 168–183.
25. Sandomirskaja I. Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik. — Wien: Gesellschaft zur Forderung slawistischer Studien, 2001. — 286 s.
26. Smirnov D. G. K voprosu o resemiotizatsii kak forme simvolicheskoi politiki («Rodina-mat'» v politicheskikh praktikakh sovremennoi Rossii) // Labyrinth. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï. 2015. № 4. — S. 96–112.
27. Syrov V. N., Golovashina O. V., Linchenko A. A. Politika pamiaty v svete teoretiko-metodologicheskoi refleksii: opyt zarubezhnykh issledovaniï // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. 2016.
28. Timofeev M. Iu. Monumental'nyi obraz Rodiny-materi v politikakh pamiaty sovremennoi Rossii // Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Istoriia. 2016. № 4 (35). — S. 86–94.
29. Timofeev M. Iu. Pomni o materi-Rodine! Konkuriruiushchie mesta pamiaty // Labyrinth. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï. 2015. № 4. S. 43–63.
30. Titkov A. S., Arkhipova A. S., Doronin D. Iu., Kirziuk A. A., Radchenko D. A., Sokolova A. D., Iugai E. F. Voina kak prazdnik, prazdnik kak voina: performativnaia kommemoratsiia Dnia Pobedy // Antropologicheskii forum. 2017. № 33. — S. 84–122.
31. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamiaty / Per. s fr. i vstupil'naia stat'ia S. N. Zenkina. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. — 348 s.
32. Tsygankov A. S. V poiskakh istoricheskoi identichnosti: Tsaritsyn — Stalingrad — Volgograd // Chelovek v mire kul'tury: kul'turnoe opisanie territorii: Materialy X Mezhdunarodnogo filosofsko-kul'turologicheskogo simpoziuma, 16–17 apreliia 2015 g. / otv. red. A. V. Solov'ev; Riaz. gos. un-t im. S. A. Esenina. — Riazan': Izdatel'stvo «Kontseptsii», 2015. — S. 253–256.
33. Iudkina A. Mogila Neizvestnogo soldata v sovet'skom memorial'nom landshafte // Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoi kul'ture / sost.: Sokolova A. D., Iudkina A. B.; otv. red. Gromov D. V. — M.: IEA RAN, 2015. — S. 256–279.